DOI 10.25991/VRHGA.2025.2.2.012
УДК 314.743

Л. А. Ганичев*

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ, ОБРАЗ И СУДЬБА ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Статья посвящена феномену первой «волны» русской эмиграции. Проводится анализ эмоциональных и психологических факторов эмиграции. Определяется главный катализатор событий Февральской и Октябрьской революций 1917 г. — Первая Мировая война. Приводятся данные масштабов и географии «русского исхода», его выдающиеся представители и ключевые группы. Внутренняя политика большевиков на фоне Гражданской войны делали жизнь в стране для будущих эмигрантов тяжелой и часто опасной. Русские эмигранты не были едины в вопросе политических убеждений, в отличие от приверженности православию и ненависти к большевизму. Личные переживания эмигрантов на фоне экзистенциальной катастрофы сподвигли их к воссозданию «собственной» России на чужбине. Все это способствовало осмыслению интеллектуальной частью русской эмиграции своей исторической и культурно-нравственной миссии. Эмигранты верили в скорое неизбежное падение СССР. В своем желании приблизить «освобождение» страны от большевизма мно-

* Ганичев Леонид Александрович — магистр, аспирант; Leonid.ganichev98@mail.ru; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 191186, Большая Морская ул., д. 18.

Leonid A. Ganichev — master's degree, postgraduate student; Leonid.ganichev98@mail.ru; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolshaya Morskaya str., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Russian Christian Academy of Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

гие из них сознательно становились коллаборантами, осознавая, что за этим стоит уничтожение русской цивилизации, в отличие от русских патриотов-антифашистов. Русскую эмиграцию как явление нельзя идеализировать, однако его следует признать уникальным. Ее опыт, наследие и жертва сделали возможным осознать общность судеб и, следовательно, приблизить будущее примирение и воссоединение Русского Зарубежья с исторической Россией.

Ключевые слова: русская эмиграция, Русское Зарубежье, первая «волна», культура, самосознание.

L. A. Ganichev

HISTORICAL MISSION, IMAGE AND FATE OF THE FIRST RUSSIAN EMIGRATION

The article is devoted to the phenomenon of the first "wave" of Russian emigration. Emotional and psychological factors of emigration are analyzed. The main catalyst of the events of the February and October revolutions of 1917 is defined: it was The First World War. Data on the scale and geography of the "Russian exodus", its prominent representatives and key groups are given. The internal policy of the Bolsheviks against the background of the Civil War made life in the country for future emigrants difficult and often dangerous. Russian emigrants were not united on the issue of political beliefs, as opposed to adherence to Orthodoxy and hatred of Bolshevism. Emigrants' personal experiences against the backdrop of existential catastrophe prompted them to recreate "their own" Russia in a foreign land. All this contributed to the intellectual part of the Russian emigration's understanding of its historical and cultural-moral mission. The emigrants believed in the soon inevitable fall of the USSR. In their desire to bring closer the "liberation" of the country from Bolshevism, many of them consciously became collaborators, realizing that behind this was the destruction of Russian civilization, unlike Russian patriots-antifascists. Russian emigration as a phenomenon cannot be idealized, but it should be recognized as unique. Its experience, heritage and sacrifice made it possible to realize the commonality of destinies and, consequently, to bring closer the future reconciliation and reunification of the Russian Diaspora with historical Russia.

Keywords: Russian emigration, Russian Abroad, first "wave", culture, self-awareness.

Эмиграцию как симптоматичное явление нашей истории называют и предвестником, и признаком, и следствием фундаментальных изменений как в рамках мировой цивилизации, так и отдельных государств. К событиям нашего прошлого, которым сопутствовали эмиграционные процессы глобального порядка, относят, в частности, Великое переселение народов и открытие Христофором Колумбом Южной и Центральной Америк, а заметного локального — Великую Французскую революцию 1789 г., Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.

Профессор, доктор исторических наук, исследователь русского зарубежья П. Н. Базанов предлагает расширенную трактовку понятия «эмиграция». Он обозначает ее как вынужденное или добровольное переселение в другую страну на временное или постоянное проживание [1, с. 15], что относится и к эмигрантским сообществам.

В то же время В. Ю. Жуков обращает внимание на тот факт, что эмиграция может быть одновременно и процессом, и состоянием, и корпусом людей, и в целом явлением [2, с. 12]. В его интерпретации у «эмиграции» есть два равнозначных синонима — диаспора (рассеяние) и Русское Зарубежье (Зарубежная Россия; относится только к русской эмиграции).

Эмиграция как процесс включает в себя два основополагающих фактора — социологический и психологический. Первый означает различные формы и степень вовлеченности эмигранта (диаспоры) в отличный от его (ее) родины социум. Обретающие свою индивидуальность формы взаимодействия индивида (эмигрантского сообщества) с местным населением оставляют свои отпечатки на обеих культурах: той, носителями которой являются эмигранты, и того общества, которое их приняло.

Психологический фактор напрямую связан с эмоционально-душевным состоянием эмигрантов. Многие из них болезненно переживали отъезд из родной страны. Состояния наподобие тревожности, ностальгии и отчаяния формируются под влиянием сомнений касательного принятого решения, ощущения «выбитой» почвы из-под ног, жизненной неопределенности и в целом нелегкого адаптационного процесса.

Первопричины эмиграции могут быть самыми разными, начиная от природных катаклизмов, социально-экономической нестабильности и заканчивая локальными гражданскими конфликтами вкупе с различными формами дискриминации определенных общественных и этнических групп. Все они так или иначе влияют на особенности восприятия эмигрантами своей бывшей родины.

В случае Российской Империи до второй половины XIX в. эмиграция из страны не носила массового характера. Основной тому причиной было отсутствие за пределами российской метрополии заметной национальной диаспоры со своими институциями и организациями. Другими факторами стали аграрный уклад экономики и преобладание оседлого крестьянства в составе населения.

Здесь необходимо уточнить, что русская эмиграция не равнозначна эмиграции российской. Последние и ее наследники никогда не ассоциировали себя с русской культурой и государственностью, как те же ортодоксальные евреи, немцы-меннониты и басмачи. Эмигранты, воспитанные в духе русской культуры, считали русский язык, социум и традиции родными вне зависимости от своих национальности и вероисповедания. Они воспринимали Россию своей первой или второй родиной, с поправкой на свои политические и этические убеждения. В этом отношении понятие «российское зарубежье» гораздо более шире «русского зарубежья», поскольку первое означает историю всех русских диаспор за территорией СССР [1, с. 15].

Начавшаяся в 1914 г. Первая Мировая война во многом стала катализатором событий Февральской и Октябрьской революций 1917 г., которые радикально изменили общественно-политические, социальные и культурные реалии страны. Неудачи на фронте, экономические трудности, агитационная деятельность антиправительственных сил и ряд других факторов привели к демонтажу монархии в пользу Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

В то время многие российские интеллектуалы считали, что династия Романовых себя дискредитировали, а имперская бюрократия не способна привести Россию к победе в войне. Многие будущие эмигранты позитивно восприняли смену власти в стране в надежде на качественные перемены: в частности, обновление политических институтов и проведение глубоких реформ, призванных

укрепить страну преддверие серьезных исторических вызовов. Некоторые из представителей эмиграции нулевой «волны» также возвращалась в страну. Они руководствовались политически мотивированным желанием принять участие в построении «обновляющейся» России и взыгравшим чувством долга перед родиной в непростые для нее времена.

Однако скоро российское общество будет разочаровано новой властью в силу нараставшего экономического, политического и гуманитарного кризиса, что дополнялось хронической усталостью от войны и агитацией большевиков. Последние в итоге смогли в октябре 1917 г. захватить власть. Последовавшие после события в короткие сроки инициировали беспрецедентную в отечественной истории массовую эмиграцию, ставшей первой из ее «волн».

Оценка масштабов этого явления разнится в зависимости от исследователя (официальной организации), методик подсчета и выбранного хронологического отрезка. Так, Лига Наций насчитала от 863 тыс. до 2 млн выехавших из России после 1917 г. [3, с. 248]. Красный Крест оценил численность русских эмигрантов почти в 1,2 млн на момент 1 ноября 1920 г., позже пересмотрев это значение в большую сторону — до 2,1 млн человек [4, с. 494].

Если принимать во внимание русское население новообразованных стран-лимитрофов, то дипломат, журналист и писатель Вячеслав Васильевич Костиков приводит значение в 10 млн человек [5, с. 37]. Доктор исторических наук, специалист в области исторической демографии и географии, этнической статистики Российской Империи и СССР Владимир Максимович Кабузан утверждает о 5 млн эмигрантах, покинувших Россию в течение 1918–1924 гг. [4, с. 495], включая 2 млн жителей бывших польских и прибалтийских губерний, которые получили паспорта новообразованных стран. Подобный разброс обусловлен не только авторским подходом, но и отсутствием сводных данных об эмиграции после 1917 г. [3, с. 247].

Первый «русский исход» не был единовременным. Немногочисленные группы беженцев стали прибывать осенью 1917 г. в такие европейские страны, как Финляндия, Швеция и Германия. Знаковым местом для ряда петербургских и московских знаменитостей стал Киев — столица «независимой» Украины гетмана П. П. Скоропадского, режим которого держался на немецких штыках. Начавшаяся в ноябре 1918 г. революция в Германии привела к завершению оккупации региона. Тогда вместе с частями немецкой армии добровольно эвакуировалась и часть местного населения.

Пик первой «волны» эмиграции пришелся на период 1920–1922 гг. Именно тогда Красная армия перехватила инициативу у Белого движения почти на всех участках фронта. Вследствие этого белогвардейцы и примыкавшие к ним беженцы отступали по всем возможным направлениям. Оренбургские и сибирские казаки уходили в регионы северо-западного Китая (Синьцзян), а уральские пробивались в Иран. Самой известной и многочисленной стала «крымская» эвакуация, организацией которой занимался военный деятель и один из главных руководителей Белого движения П. Н. Врангель. По ее итогам в Стамбул (Константинополь) прибудет свыше 150 тыс. человек, включая гражданских лиц. В силу преобладания в первой «волне» эмиграции участников Белого движения ее часто называют белоэмигрантской или белогвардейской.

Необходимо отметить, что в составе первой «волны» были представители всех социальных слоев и сословий дореволюционной России, начиная от членов Дома Романовых и заканчивая крестьянами и рабочими. Национальный состав также был самым широким, с заметным преобладанием этнически русского населения.

Особняком стоят группы русских эмигрантов, ставшие таковыми из-за Первой Мировой войны. Среди них оказались русские солдаты-военнопленные, военные русского экспедиционного корпуса во Франции и часть подданных российской короны, которые не смогли вернуться. Многие из них свое пребывание за границей воспринимали как вынужденное и временное. Гражданская война в России также сделала невозможным возвращение и юношей, недавно окончивших царские военные училища.

Другой обширной группой вынужденных эмигрантов стали жители западных территорий бывшей Российской Империи: это современные Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Польша и Молдавия. Появившиеся на карте мира страны-лимитрофы — не без помощи западных держав и Брестского мира — стали фактически «санитарным кордоном», который должен был ограничивать эмиграционные потоки и предотвратить возможное «покраснение» Европы. Случилось так, что крупные сообщества коренного русского населения, никуда не уезжая, фактически оказались в эмиграции, хотя в странах-лимитрофах временно находились и собственно беженцы из России.

Ключевой причиной оттока (отпадения в случае «лимитрофов») из страны миллионов ее граждан фактически стал большевизм. За этим понятием стоят монополизация «красными» политической власти в стране, их идеологические, экономические и культурные установки (диктатура пролетариата, продразверстка, воинствующий атеизм), репрессии в отношении целых социальных групп (прежде всего аристократии, казачества и духовенства), борьба с инакомыслием (особенно среди интеллигенции). В целом Гражданская война сделала невозможным продолжение профессиональной деятельности из-за серьезно уменьшившихся гонораров и общественно-политической нестабильности.

География распространения русской эмиграции первой «волны» была очень широкой, однако самыми востребованными направлениями стал ряд государств Центральной, Южной и Западной Европы, Китай и (после 1933 г.) США. Именно в первой половине 1920-х гг. сформировались «столицы» (центры) Зарубежья в лице Парижа, Берлина и, позднее, Нью-Йорка. Заметные эмигрантские сообщества также можно было найти в столичных городах таких стран, как Югославия (г. Белград), Чехословакия (г. Прага), Болгарии (г. София). Особняком стоят Маньчжурия (г. Харбин) и г. Шанхай, ставшие точками притяжения эмигрантов на Дальнем Востоке.

Примечательно, что такие страны, как Турция, Финляндия и Швеция, пользовались большим спросом в самом начале первой «волны» в силу удобного транзитного положения. Однако по ряду причин там не возникли заметные сообщества русской эмиграции, хотя на определенное время актуализировались г. Гельсингфорс (современный Хельсинки) и г. Константинополь (Стамбул). Такие страны, где не появилось заметной эмигрантской общины, принято называть «провинцией» русского зарубежья.

Большинство эмигрантов, оказавшись на чужбине, столкнулись с рядом серьезных трудностей. Одной из них стал поиск работы, особенно эквивалентной прежнему социальному положению. Повышенная конкуренция на рынке труда привела к тому, что бывшие царские офицеры и дворяне брались за малооплачиваемые, непрестижные, тяжелые работы. Более того, у русских эмигрантов во многих странах не был определен гражданско-правовой статус: иными словами, они стали лицами без гражданства. Появившиеся позже нансеновские паспорта лишь отчасти выправили положение: в большинстве случаях эмигрантам приходилось либо принимать подданство другого государства, либо — гораздо реже — возвращаться в СССР.

В то же время многие славянские страны, особенно балканские, менее всего ограничивали деятельность русских эмигрантов. В силу русофильских настроений и из чувства благодарности России за отстаивание ею национальных интересов «братских» стран им предоставляли самоуправление, работу в научных, государственных и военных учреждениях (учитывая высокий уровень их образования и компетенций) и оказывали всевозможную поддержку в виде стипендий, пособий и других форм выплат.

Другой проблемой, которую также можно считать и ключевой особенностью русской эмиграции, стало отсутствие политического единства. Фактически ею был воссоздан политический ландшафт царской России. Так, монархические настроения преобладали в Югославии, Китае и Аргентине, а к либеральному флангу тяготели русские эмигранты, оказавшиеся в Чехословакии, Франции и США. Однако такая политическая неоднородность часто приводила к «атомизации» русских эмигрантов, не позволяя им договориться касательно многих внутренних и внешних аспектов: например, собственных структур и восприятии СССР.

К последнему подавляющая часть русской эмиграции, особенно во время Гражданской войны, относилась крайне негативно (правда, значительно позже часть эмигрантов с началом Второй мировой войны станет симпатизировать стране Советов в надежде на «обновление» и демократизацию власти). Это связано с эмоционально тяжелым восприятием событий Октябрьской революции. В понимании эмигрантов она стала национальной катастрофой, что сокрушила до основания их «прежний» мир. Так, русский философ, писатель и публицист Иван Александрович Ильин (1883–1954), ранее поддержавший события Февраля, позже видел в Российской империи вполне жизнеспособный политический организм с изъянами, которые можно было исправить. В его понимании российский народ оказался в плену коммунистической утопии.

События Октября привели к разделению русской культуры на две ветви. Уникальность феномена русской эмиграции, особенно первой «волны», состоит в том, что ее представители де-факто воссоздали собственную Россию в формате виртуального государства без своей территории, однако со всеми внешними и внутренними признаками (правительство, РОВС в качестве армии и даже претендентов на царский трон), культурную жизнь как целостную систему (школы, университеты, библиотеки, музеи, издательства, периодика). В этом отношении она стала своеобразным полигоном «свободной мысли», а эмигрантские издания — ее материальным воплощением [1, с. 13].

«Россия № 2», «русские без России», «Россия вне России» стала мощным проектом, который был призван продемонстрировать странам Западного мира и советской метрополии уровень и возможности отечественной науки и культуры, сохранить и продолжить их развитие за рубежом [1, с. 14].

В отличие от политического фактора, православная идентичность стала для русской эмиграции тем признаком, который смог по-настоящему объединить и в определенном смысле примирить большую часть ее сообщества. Фактически религия позволила русскому зарубежью успешно противопоставить себя атеистической советской России. Географическая и духовная удаленность от последней, тяжесть утраты «прежней» России и стремление к ее реинкарнации закономерно сподвигала отечественную эмиграцию учреждать разнообразные культурно-общественные организации и учреждения. Многие из них ориентировалась на Русскую Православную Церковь как авторитетную духовную институцию.

Благодаря сложным и вместе с тем трагичным и уникальным событиям у интеллектуальной части эмиграции, помимо творческих способностей, формируется особое мироощущение в отношении самой себя. Русская эмиграция приходит к идее своей особой духовной миссии, которая заключается прежде всего в сохранении и преумножении русской культуры, которая, по ее мнению, уничтожалась в большевистской России. Отсюда происходит известный посыл, представляющий собой тезис Н. Н. Берберовой, которому вторят И. А. Бунин и Зинаида Гиппиус: «*Мы не в изгнании, мы в послании*» [1, с. 14].

Психологической особенностью первой «волны» русской эмиграции стало убеждение, что установившаяся в России большевистская диктатура скоро падет. Многие эмигранты искренне верили в то, что страны Антанты восстановят «законный порядок», и они смогут вернуться обратно на родину. Этому не суждено было сбыться из-за победы «красных» в Гражданской войне, что подкреплялось осознанием настоящих мотивов лидеров Антанты, которые действовали исключительно в собственных меркантильных интересах.

И. А. Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силой» [6] (впервые издана в 1925 г.) стремился подвести основания (особенно с позиций христианства) под идею «священного» права государства на сопротивление революционерам. В своей книге философ призывал извлечь уроки из событий обеих революций, а главным выводом стала следующая мысль: любой, кто отстаивает порядок (созидание) и традиционную мораль (как добродетель), имеют право защищать их от разрушителей (в широком смысле — зла). Несмотря на отличные от других эмигрантов-интеллектуалов идейные концепты и восприятие исторического момента в целом, И. А. Ильин склонялся к тому, что эта борьба должна продолжаться скорее в нравственной плоскости силами русских людей, даже если она займет не одно поколение.

В этом отношении первая «волна» эмиграции была скорее патриотической. Верность «прежней» России определила ее фундаментальные мотивы — «освобождение» (для многих эмигрантов не были важны ее инициаторы и цена «вопроса») и возрождение «прежней» монархической России (хотя в большинстве случаев это были скорее утопические представления). В силу этого настроение русской эмиграции было ностальгическим, а ключевой темой —

воспоминания, тоска об утраченной Родине-рае. Обусловленный глобальными событиями первой четверти XX столетия творческий всплеск обозначил склонность эмигрантов к мемуарам и автобиографии, вследствие чего судьба даже «заурядного» человека могла стать по-настоящему увлекательной и порой возвышенно-трагической.

Русскую эмиграцию первой «волны» не просто так называют «цветом русской культуры» и продолжателем дела интеллигенции Серебряного века. Об этом свидетельствует тот факт, что в русском зарубежье оказались тысячи ученых, которые внесли огромный вклад в мировой научный прогресс: ими стали, например, изобретатель вертолета и самолета-амфибии И. И. Сикорского, инженер-кораблестроитель В. И. Юркевич, нобелевские лауреаты химик И. Р. Пригожин и экономист В. В. Леонтьев; художники Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, А. Н. Бенуа; писатели и поэты — И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, А. Н. Толстой, М. Цветаева, К. Бальмонт и многие, многие другие.

При всем этом необходимо понимать, что представители русской эмиграции по-разному интерпретировали «освобождение» России. Многие, особенно в период Гражданской войны, призывали к свержению большевиков ценой потери страной внутриполитической стабильности, территорий и суверенитета. Так, в статье «Русский вопрос в Париже» (из газеты «Северная жизнь» [7]) отмечается, что страны Антанты должны направить свои армии для сражения с большевистской Россией на восточном фронте, участвовать в организации внутри РСФСР антибольшевистского подполья и набирать добровольцев из стран-лимитрофов. Здесь можно вспомнить, что часть западных стран инициировала интервенцию в РСФСР в попытке закрепиться на Севере и Дальнем Востоке страны, что можно считать попыткой аннексии российских территорий под предлогом военной помощи белому движению.

Позиции русской эмиграции первой «волны» в вопросе «освобождения» бывшей родины оказалась столь же разделенными и во время Второй Мировой войны. Основной водораздел прошел между коллаборантами и антигитлеровцами. Первые выступали в войне на стороне Третьего Рейха: таковыми стали, в частности, генерал В. В. Бискупский, П. Н. Краснов, А. А. фон Лампе, А. Г. Шкуро, полковник Е. В. Кравченко, подполковник А. Д. Архипов, ротмистр Р. К. Заустинский и многие другие [2, с. 20]. Эмигрантский Русский корпус вел боевые действия против югославских партизан будущего лидера страны И. Б. Тито, часть видных чинов РОВС служили в войсках Вермахта на Восточном фронте, а после — на заключительном этапе войны — проявила себя Русская освободительная армия (РОА) генерала А. А. Власова.

Однако среди эмиграции первой волны были и настоящие герои, воевавшие на стороне СССР и стран-союзников. Среди них можно вспомнить И. А. Кривошеина, А. Н. Левицкого, Гайто Газданова, Д. Г. Амилахвари, А. Б. Катлама, А. А. Беннигсена. Участвовали во французском Сопротивлении Вера Оболенская, монахиня Мария (Скобцова), Игорь Кривошеин. В США развернулась просоветская деятельность той части белой эмиграции, которая сплотилась вокруг Американо-русского общества взаимопомощи (АРОВ).

В этом контексте И. А. Ильина можно отнести к тем немногим эмигрантам, которые, несмотря на эволюцию политических взглядов, всегда оставались

верными России и ее народу. Так, изначально философ возлагал определенные надежды на фашизм и национал-социализм, которые в теории могли бы остановить коммунизацию Европы и изолировать СССР, что привело бы к падению советской власти. Однако И. А. Ильин, убедившись в истинных планах А. Гитлера — уничтожении русской цивилизации, — быстро избавился от соблазнительной для многих эмигрантов иллюзии: сбросить режим большевиков с помощью внешних сил, установить собственную власть и, в случае необходимости, отказаться от невыгодных договоренностей.

По этой причине Великая Отечественная война стала для И. А. Ильина народно-оборонительной, вследствие чего сталинский режим в его глазах нашел частичное оправдание, поскольку он стал той организационной структурой, которая это сопротивление оформила. Если Антон Деникин примирился с советской властью, а Петр Краснов стал коллаборантом, то И. А. Ильин горячо поддерживал русского человека, но не пытался оправдывать советский строй, что делает позицию философа по-настоящему уникальной.

Все последующие «волны» русской эмиграции отличаются от первой не только причинами отъезда (главными из которых были политические и экономические мотивы), но и отношением к бывшей родине. Многие эмигранты не питали к ней теплых чувств, у них не было стремления однажды вернуться обратно, они никак ей не сопереживали, — напротив, они прикладывали все усилия для интеграции в социумы своих новых «отчизн». Поэтому они утрачивали прежнюю идентичность, а их образ жизни и мыслей не способствовал творческим поискам и открытиям.

Однако признаки т. н. упадка значительной части русской эмиграции можно найти и в случае первой ее «волны». Так, в начале 1920-х гг. поэт Владимир Маяковский, периодически пересекаясь с русскими эмигрантами в Берлине и Париже, четко разделял «эмигрантов-врагов» и эмигрантов «по несчастью». В своем очерке «Париж» поэт сетует на материальное и духовное оскудение российского культурного слоя тогдашнего Зарубежья. Он подмечает ту стремительность, с которой многие представители высшего общества превратились в «официантов и статистов». Возможно, это напрямую связано с тем, что «белые русские», задержавшиеся на чужбине, в итоге стали «ан масс».

При всем этом не следует умалять культурные, гуманитарные, документальные достижения и наследие первой русской эмиграции, материальную и духовную квинтэссенцию ее опыта. Определенной ее части, на наш взгляд, удалось сформулировать те изыскания, собственные ценности и надежды, которые наши потомки в России начинают все более отчетливо воспринимать. Одним из таких идеологов, с определенными оговорками, стал российский писатель, публицист, общественный, политический и религиозный деятель, православный монархист, эмигрант третьей «волны» Михаил Викторович Назаров.

По его мнению, у русской эмиграции есть три ключевые функции (предназначения) [8, с. 17]. Первой является сохранение исторической памяти о дореволюционной России и ее национального самосознания наподобие своеобразного живого «блока памяти». Эту функцию эмигрантская литература выполняла в достаточной мере: множество сохранившихся мемуаров и худо-

жественных произведений, наряду с русской классикой, запечатлели канувшую в лету цивилизацию. Огромную роль в этом сыграла и православная Церковь, ставшая духовным стержнем русской эмиграции.

Вторым ее предназначением была помощь тем силам на Родине, которые, как она полагала, могли бороться с коммунистическим экспериментом. Чаще всего это выражалось в стремлении добиться политических перемен в России. Со временем энтузиазм поубавился с принятием того факта, что большевизм закрепился в России надолго.

Третьей функцией русской эмиграции выступает творческая: это осмысление трагического опыта революции как опыта всемирного; осознание того, на что способен человек в разных общественных системах; выход на новый уровень русской идеи как православного синтеза общечеловеческого опыта. Через последний, по мнению М. В. Назарова, можно осознать духовное состояние всей человеческой цивилизации, понять грозящие ей новые опасности, увидеть движущие силы всех катаклизмов XX в.

Ценными нам представляются и мысли И. А. Ильина, относящегося к первой «волне» эмиграции. Именно он сформулировал концепцию т. н. духовного национализма, основанного на идеях гегелевского духа и связи высшей формы реализации национального духа с историей. Так, национализм И. А. Ильин видит как связь народа с Богом и пониманием обществом своего предназначения. Наличие духовных ядра и миссии являются признаками нации и, следовательно, здорового национализма.

Вторая идея философа заключается в том, что именно русская история (точнее, логика ее исторического развития) дает понимание сути русской нации и ее имперского национализма. По его мнению, только христианская Россия может полностью реализовать идею христианской любви. Последняя представляется ему идеальной целью российской цивилизации — построить на этом принципе все общество. В подтверждение своего концепта И. А. Ильин указывает, что расширение страны в имперские времена не сопровождалось геноцидом присоединенных народов, в отличие от других колониальных держав.

И. А. Ильин полагал, что ядром советского проекта была религиозная энергетика коммунизма. Он считал выгорание этого проекта неизбежным, а потому видел необходимость в подготовке в эмигрантской среде качественно новой патриотически настроенной элиты, которая смогла бы отстроить национальную Россию. Однако он ошибся в сроках (советская власть, вопреки его прогнозу, не изжила себя к 1950-м гг.) и не смог предвидеть настолько сильную ассимиляцию первой и последующих «волн» эмиграций, вследствие которой она и ее потомки оказались не способны сохранить свою русскую идентичность, не говоря о порождении национально мыслящей элиты.

И. А. Ильин справедливо опасался, что постсоветская Россия в условиях национально-духовного вакуума станет «учеником» Запада. Стремление имплементировать его демократические институты в отсутствие у российского народа опыта принятия ответственных самостоятельных решений станут симулякром и манипуляцией. При таком сценарии псевдодемократическая Россия перестала бы существовать, став объектом корыстных интересов со стороны западных «кураторов» и бывших советских элит.

В заключение следует отметить, что феномен русской эмиграции настолько уникален, насколько же и противоречив. Многие эмигранты первой «волны» стремились, на первый взгляд, достичь благой цели — «спасти» Россию, а впоследствии «воскресить» ее, когда пришло осознание долгосрочного характера большевистского проекта. В отличие от первой, последующие «волны» эмиграции мало волновали какие-либо возвышенные мотивы: чаще всего ее представители стремились выбраться из «коммунистической антиутопии» в «свободный мир» ради благополучной жизни. В этом отношении эмиграция первой «волны» была наиболее патриотической и бескорыстной.

Однако последнюю ни в коем случае нельзя идеализировать. Среди нее были как герои-мученики, ставившие Россию превыше политической конъюнктуры и экономических доктрин, так и предатели-коллаборанты, которые объявили стране войну на уничтожение под видом ее «освобождения». Бесспорно то, что Русское Зарубежье стало удивительным, многоплановым и во многом трагичным явлением мировой и отечественной истории, чьи опыт, символы и заветы требуют дальнейшего изучения и осмысления как современниками, так и потомками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базанов П. Н.* Культура русской эмиграции — гордость отечественной истории // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 11–24.
2. *Жуков В. Ю.* Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания: сб. ст. СПб.: СПбГАСУ, 2011. 264 с.
3. *Мухачев Ю. В.* Российская эмиграция: численность, расселение // Русское зарубежье. 2013. С. 245–252.
4. *Полян П. М.* Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. 816 с.
5. *Костиков В. В.* Не будем проклинать изгнанье… Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. 486 с.
6. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силой. Даръ, 2023. 480 с. (Библиотека паломника).
7. *Ляцкий Е. А.* «Русский вопрос в Париже». Статья [в газ. Северная жизнь]. Рукой А. В. Ляцкой (рожд. Пыпина) // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 275. 4 л.
8. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века) / В двух томах. Том первый. М.: Русская Идея; СПб.: Русская Лира, 2020. 544 с.

REFERENCES

1. Bazanov, P. N. Kul'tura russkoi emigratsii — gordost' otechestvennoi istorii [The culture of the Russian emigration is the pride of national history]. In: *Russko-Vizantiiskii vestnik,* 2021, no. 4 (7), pp. 11–24 (in Russian).

2. Zhukov, V. Iu. (2011). Zarubezhnaia Rossiia: emigratsiia i emigrant [Foreign Russia: emigration and emigrants]. In: *Russkaia emigratsiia i fashizm: stat'i i vospominaniia: sbornik statej*. Saint Petersburg, SPbGASU Publ., 264 s. (in Russian).

3. Mukhachev, Iu. V. Rossiiskaia emigratsiia: chislennost', rasselenie [Russian emigration: population, settlement]. In: *Russkoe zarubezh'e,* 2013, pp. 245–252 (in Russian).

4. Polian, P. M. (2005). *Emigratsiia: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiiu* [Emigration: who left Russia in the 20th century and when]. Moscow, OGI Publ., 816 s. (in Russian).

5. Kostikov, V. V. (1990). *Ne budem proklinat' izgnan'e… Puti i sud'by russkoi emigratsii* [Let us not curse exile… Paths and destinies of the Russian emigration]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 486 s. (in Russian).

6. Il'in I. A. (2023). *O soprotivlenii zlu siloi.* [About resisting evil by force]. Serija: Biblioteka palomnika. Moscow, Dar" Publ., 480 s. (in Russian).

7. Liatskii, E. A. "Russkii vopros v Parizhe". Stat'ia [v gaz. Severnaia zhizn']. Rukoi A. V. Liatskoi (rozhd. Pypina) [The Russian Question in Paris". Article [in the newspaper Severnaya zhizn]. By the hand of A. V. Lyatskaya (born Pypina)]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi akademii nauk.* Fond 163, opis' 1, edinitsa khraneniia 275. 4 s. (in Russian).

8. Nazarov, M. V. (2020). *Missiia russkoi emigratsii. (Na fone kataklizmov KhKh veka). Tom pervyj* [Mission of the Russian emigration. (Against the background of the cataclysms of the twentieth century). Vol. 1]. Moscow, Russkaia Ideia Publ.; Saint Petersburg, Russkaia Lira Publ., 544 s. (in Russian).